

Золотые колосья профессора Кобылянского

С Владимиром Дмитриевичем Кобылянским мы встретились у ворот Пушкинских лабораторий Всероссийского института генетических ресурсов растений имени Н. И. Вавилова (ВИР). Шли обычной для него, почти каждодневной дорогой туда, где он проводит едва ли не больше времени, чем дома. Причём работа не ограничена кабинетным пространством, главное – земля, на которой растут его особые сорта зерновых культур.

Детство и плен

Этому скромному человеку и известному на весь мир учёному-селекционеру (заслуженный деятель науки РФ, доктор биологических наук, профессор) в этом году исполнился 91 год.

Родился Владимир Кобылянский 24 августа 1928 года в селе Малое Коротаево Одесской области. Говоря об этом, качает головой и добавляет: «Некоторые мои родственники живут сейчас в Одессе, а другая часть – на Донбассе в Горловке. Что делать, мир по-прежнему жесток: одних жгут, в других стреляют...»

Когда он был совсем маленьким, родители уехали на Донбасс, где умерла мама (Володе тогда было всего три года). «Отец во второй раз женился, и через пять лет родилась моя сестра Катя, – вспоминает он. – Отца на войну не взяли, мы были с ним. Как-то с приятелем мы пасли коз (чтобы прокормить своих детей отцу в начале войны удалось купить козу). Услышали лай собак, крики – немцы куда-то гнали людей. Двое с автоматами схватили нас и затолкали в колонну. Позже мы поняли, что нами заменили каких-то сбежавших людей. Пригнали на вокзал, погрузили в товарные вагоны и куда-то повезли».

В теплушках было холодно и тесно. Останавливался паровоз только на больших станциях, где его заправляли водой.

Единственная еда – горох: мешок гороха кидали в вагон, и люди грызли.

«Когда нас привезли в Дрезден, держали несколько дней вообще без еды. Есть хотелось так, что я думал: только раз бы наестся, и умереть не страшно, – хмурится Владимир Дмитриевич, восстанавливая в памяти давние события. – Всех переписали, спросили, что умею делать. Сказал, что могу быть санитаром, потому что у нас в Горловке была больница, где я подрабатывал, и немножко был знаком с медициной.

Вспомнилось, как главврач горловской больницы дал мне велосипед и велел ехать к немецким госпиталям на свалки, искать более-менее грязные бинты, которые еще можно было использовать...

В Дрездене меня, ещё одного парня и двух девушек посадили в поезд и повезли в городскую больницу Святого Георгия Лейпцига. Там велели отапливать четыре лагерных барака. Для этого я привозил брикеты на тачке – так использовали мои «медицинские» знания. Немецкий язык стал понимать быстро и даже общался с местными жителями. Когда наши надавали им под Сталинградом, немцы на нас по-другому стали смотреть. Один рассказал, что в первую мировую был на Украине, он потом подкармливал меня и выдавал за немецкого глухонемого парня, по-человечески относился...»

Путь домой

Освободили пленных американцы. Над городом пролетели три самолета, немцы вывесили белые простыни на окнах и балконах. А после того, как проехали танки, «рабы» поняли, что свободны. Их собрали в американский лагерь, и приехавший советский комиссар объявил: «Родина вас ждёт». «В американском лагере мы обратили внимание, что людей стали увозить куда-то на автобусах – прошел слух, как будто в Канаду, – продолжает рассказ Владимир Дмитриевич, – а мне очень хотелось домой. И мы – человек десять – нашли телегу с огромными колесами, свалили на неё свои вещи (у меня был

чемоданчик с «думкой» и мальчишеским костюмом, в котором забрали ещё из Горловки), и решили податься на Эльбу. Добрались, и снова попали в лагерь, правда, там были уже наши. Через некоторое время пришёл капитан и спросил: «Кто хочет послужить Родине?» Я вызвался. Он повёз в складские помещения, где хранилось так называемое «московское имущество»: канцелярские принадлежности, приемники – всё это надо было охранять и партиями грузить, чтобы куда-то отправлять. Оставшиеся вещи нам велели охранять. Капитан выдал на пятерых одну винтовку и немного патронов. Когда все "имущества" отгрузили, нас спросили: «Кто домой?» и мы - вместе с одним парнем – детдомовцем проехали по железной дороге через все основные города Европы: Лейпциг, Дрезден, Братиславу, Прагу, Будапешт, Бухарест... Потом попутными товарными составами я добрался до Горловки. Когда ехал последним поездом, соскочил у лесополосы на окраине Горловки и пешком пришёл домой. Из дома вышел отец: «Парень, чего тебе здесь надо?» Не сразу узнал, а когда понял, что сын вернулся, заплакал».

Путь в Ленинград

Из-за войны Владимиру, как и многим, пришлось идти в школу позже сверстников и быстро навёрстывать. С другом, оказавшимся в такой же ситуации, решили обратиться к девочкам-старшеклассницам: попросили поделиться учебниками, старыми конспектами, диктантами, сочинениями и т.д.

«Плотно засели за учебники, и за месяц перерешали самостоятельно все задачки, – рассказывает Владимир Дмитриевич. – Такой удивительный внутренний подъём был у нас тогда, в 1946-м, что до сих пор удивляюсь. Горы могли свернуть! Учились много, не замечая времени. Отрывались от учебников только для того, чтобы перекусить – так хотелось учиться. Освоили программу седьмого и восьмого классов. Сравнив наши знания с одноклассниками, решили, что нам

нечего делать в седьмом классе с малышнёй. Пришли в нашу старую школу, где всё изменилось, и сказали, что до войны девять классов закончили, попросили выдать об этом справку. Нас там узнали, но не помнили, в каком классе мы учились, т.к. документы были утеряны и нам поверили на слово. С этими справками мы пришли в вечернюю школу рабочей молодежи при заводе, где устроились разнорабочими. Нас взяли в девятый класс с испытательным сроком, который мы достойно выдержали».

Владимир закончил 10-ый класс, и пришла повестка в армию. На комиссии его спросили, где бы хотел служить? Я сказал, что хотел бы учиться дальше «Не знаю, откуда я знал о существовании в Ленинграде военно-медицинской академии, – пожимает он плечами. – Но я сказал, что там. Нам с приятелем дали сопроводительное письмо, и мы поехали в Ленинград. А я стилигой был: сапоги в гармошечку, «фуражка-малокозырка». Зашли в трамвай, достали папиросы, а нам и говорят: чего это вы в трамвае курите? Потом ещё замечания какие-то сделали, и мы поняли – это не Горловка. Припомнили, как через Москву ехали, где на остановке толпа – кто успел, тот сел, а здесь на трамвай – очередь, на автобус – очередь. И я подумал: вот это город! Пришли в академию, принесли письмо, а нам говорят: набор закончен, но если всерьёз хотите заниматься медициной, есть еще военно-морская академия возле Витебского вокзала, идите туда. Но и там не прошло. Для формирования новой группы нужно было 20 человек, а нас всего двое, и в городе совсем никого. Стали снова искать, куда податься. Приятель пошёл в институт механизации сельского хозяйства, а я – в первый медицинский. Но на второй день при мне стали резать труп, и я завалился в обморок. На том закончилась моя медицина».

Случайно увидел объявление: Кораблестроительный институт продолжает набор на факультет морского оружия. Володя поступил, начал учиться, а спустя неделю ему говорят, что вы не можете у нас оставаться. Оказалось, что со второго курса

студентов «засекречивали», а он были в оккупации. Пришлось снова искать...

Город Пушкин, сельхозинститут

В Ленинградский сельскохозяйственный институт Владимир попал случайно (если забыть о том, что ничего случайного не бывает). Ехал в трамвае, увидел объявление о наборе на агрономический факультет. Говорилось, что при институте есть подсобное хозяйство, студентов обеспечивают едой. Поступил, а ведь осень: в учхозе была картошка-капуста. Жизнь студентов в общежитии налаживалась.

Владимир учился хорошо, был старательным и активным. Неприятность случилась разве что на четвёртом курсе, когда была практика. «При посещении фермы крупного рогатого скота увидел тощих, подвязанных под брюхо, т.к. сами стоять они не могли. Таким уж хозяином был председатель. Когда вернулся с практики, высказался на эту тему «политически некорректно» (критиковать начальников было не принято). Долго меня критиковали за дискредитацию колхозного строя, но обошлось, из института не изгнали».

После окончания института (1952 год) молодого специалиста направили в Курскую область заместителем руководителя заготконторы, а через два месяца перевели заместителем директора Дмитриевского пенькозавода Курской области, в г. Дмитриев. Пенька была единственным материалом, из которого делались морские канаты, военные брезенты – она не гниет в воде. Это был стратегический продукт, потому-то и стоил дорого – 20 рублей 50 копеек за килограмм (для сравнения: цена килограмма овечьей шерсти тогда составляла только 12 рублей). Работа с пенькой считалась очень важной и престижной.

Ещё в институте Владимир женился на девочке Клаве – Клавдии Андреевне, с которой учился в одной группе. Её по распределению пытались направить на такую же должность в

Орловскую область. Попросили переписать направление на один адрес, и супруги отправились вместе в Курскую обл., где Клава устроилась в техникум, работала преподавателем по лесоводству.

Это совпало по времени с последним сталинским съездом КПСС, на котором вынесли решение о подъеме сельского хозяйства, и, в связи с этим, введении должности агронома в каждом колхозе.

«Пошёл агроном в колхоз, – продолжил Владимир Дмитриевич рассказ об очередном этапе жизни. Не будучи членом КПСС, на второй день после съезда подал заявление о своем желании быть агрономом (в то время на эту должность посылали только членов Партии) – Когда приехал, урожай пшеницы с гектара составлял четыре центнера (два сеяли, четыре убирали). Выяснилось, что колхозники почти всё разворовывали, потому что за работу получали копейки – пять копеек деньгами и 80 граммов проса – за трудодень. А я добился куда большей для них суммы: через год колхоз «поднялся на ноги» и колхозники получили по 2 рубля 50 копеек деньгами и три килограмма пшеницы за трудодень. Воровать стали намного меньше...»

64 букета сирени

Клавдия родом была из Сибири. Владимир красиво за ней ухаживал. «В Екатерининском парке г. Пушкин цвела сирень пахучая-препахучая, – вспоминает профессор с большой теплотой. – Однажды ночью нарвал и принес в общежитие огромный букет, и попросил девочек поставить сирень Клаве на тумбочку, и с тех пор на день рождения дарил ей примерно такой же букет. Их было 64 – именно столько лет мы с ней вместе прожили».

Как говорит Владимир Дмитриевич, на старости лет он особенно отчётливо понял, что любовь существует. "Последние восемь лет Клавдия очень болела, требовался постоянный уход. Всё, что нужно было, я выполнял, и никогда это не было в тягость, - рассказывает он. - У нас – сын Георгий и дочь Ольга.

Оба закончили тот же, что и мы, институт (только теперь он называется Санкт-Петербургским государственным аграрным университетом). Сын не стал работать в науке, а вот дочь этим много лет занимается. Вместе с ней проведено ни одно исследование. Когда занялся такой сложной темой, как иммунитет растений, дочь стала помощницей".

В восьмидесятые годы Ольга защитила кандидатскую диссертацию, и они стали полноценно работать вместе. "Рожь – трудная культура, с ней надо очень осторожно работать, что мы и делали», – с гордостью говорит Владимир Дмитриевич.

У него – два внука: Владислав и Алексей, растёт и правнучка – Анечка.

Задачи селекции

Наука началась в 1957 году, когда Кобылянский пришёл в Северо-Западный научно-исследовательский институт сельского хозяйства (посёлок Белогорка Ленобласти) на должность старшего лаборанта отдела селекции. Именно тогда он всерьёз занялся научными исследованиями.

В 1960-м поступил в аспирантуру (отдел зерновых культур) Всесоюзного научно-исследовательского института растениеводства им. Н. И. Вавилова, где изучал коллекции пшеницы, ячменя и овса.

«Тема диссертации, которую я защитил в 1964 году, была связана с перспективами использования диких видов ячменя в селекции».

Научная деятельность последователей Вавилова традиционно сводится к изучению и сохранению сортов. Но настоящий учёный всегда идёт дальше, обязательно задаёт вопрос: с какой целью? К такому подходу сводится вся работа Владимира Кобылянского.

«Все мои исследования заканчиваются определенным фактическим материалом: новые сорта, либо новые признаки для существующих сортов, новые технологии селекции – надо же как-то выходить за пределы институтских обязанностей», – объясняет профессор.

«Когда я вплотную занялся использованием зерновых культур, старался понять, какими признаками лучший сорт должен обладать, стал изучать генетику этих признаков: передаются ли по наследству, как лучше использовать", – поясняет он.

После защиты кандидатской Владимир Дмитриевич занимался пшеницей и овсом. Когда стал руководителем отдела серых хлебов ВИР, который изучал и поддерживал в живом виде коллекции генетических ресурсов ржи, овса и ячменя, ученый вернулся к работе с рожью. Исполняя обязанности заместителя директора ВИР по научной работе, он продолжал курировать коллекцию ржи.

Все свои исследования по ржи сложил, и получилась докторская, которую защитил в 1975 году», - очень доходчиво и просто объясняет сложнейшие темы профессор.

Короткостебельная рожь мощнее

«Когда занялся рожью, перешерстил всю коллекцию, создал новую систему таксономии видов – естественную: по родству между растениями, по их скрещиваемости, через цитоэмбриологию», – объясняет Владимир Дмитриевич.

Предложенная им оригинальная система рода *Secale* L. позволила экономично и эффективно использовать дикие виды ржи для селекции, организовать сбор и хранение генофонда этой зерновой культуры.

«На одном из учёных советов института я выступил с предложением: мы должны не просто изучать коллекцию, а изучать применительно к задачам селекции – создавать доноры

ценных признаков, с указанием того, какими генами они контролируются и как наследуются. Это укорачивает почти вдвое селекционный процесс. Сегодня существует около 30 сортов ржи – с моим авторским участием».

«Когда я показывал первое короткостебельное растение ученому совету, отношение к открытию было скептическим. Но мне удалось доказать, что колос у него мощнее, чем у более длинностебельного соседа, – увлечённо объясняет профессор. – Практика подтвердила, что открытие доминантного гена короткостебельности соответствует законам генетики». С использованием методов прикладной генетики Владимир Дмитриевич разработал технологию, позволяющую за два года получить нерасщепляющиеся по высоте потомство растений ржи с геном короткостебельности.

Благодаря идее Владимира Дмитриевича в 1970-ые годы для сельскохозяйственного производства были созданы первые короткостебельные сорта ржи. Сегодня девяносто процентов сортов доминантно короткостебельной ржи с устойчивыми признаками выращивается в России, в Белоруссии и на Украине.

«За границей Владимир Дмитриевич уже был бы мультимиллионером, – говорит о достижении учёного коллега по институту, доктор биологических наук, автор более 150 научных работ, посвященных генетическим ресурсам растений, Маргарита Вишнякова. – А получил он в своё время за открытие такого масштаба, насколько мне помнится, всего четыреста рублей».

Думать и открывать

Даже самые трудные времена и обстоятельства – не повод останавливаться. «Работаем на земле, смотрим, изучаем и предлагаем – на годы вперёд, – объясняет он. – Всегда хочется, например, лучшего материала и условий. Безусловно, науку надо всем этим обеспечивать. Но, в конечном итоге, главное –

не это, а стремление думать и открывать. Самый перспективный ученик тот, кто именно так думает. Я всегда предпочитал брать в помощники заочников. Они хороши тем, что уже работают, их труды отражены в плане учреждений, в которых они трудятся, и там есть ресурсы для практических исследований, значит работу можно расширять, так как в ней заинтересованы сами учреждения».

В посвящённых ему статьях читаем, что исследования, проводимые Кобылянским с начала 1960-х годов, позволили инициировать развитие новых приоритетных направлений в селекции озимой ржи: селекция гетерозисных гибридных сортов, создание короткостебельных неполегающих сортов, отбор на устойчивость к основным болезням, селекция низкопентозановой ржи универсального использования. Это - далеко не весь список.

За годы и десятилетия работы Владимир Дмитриевич опубликовал более 400 научных статей, а результаты его исследований обобщены в шести монографиях. Под его руководством защищено 28 кандидатских диссертаций, он – научный консультант пяти докторских диссертаций...

Когда после беседы шли обратно, к воротам института, профессор Кобылянский, улыбаясь, сказал: «Понимаю, что всё охватить невозможно, но стараюсь».